

5744

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

I. II

Академика А. Н. Веселовскаго.

Alexander Nikolawitch Wesselowsky

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

—
2
— САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

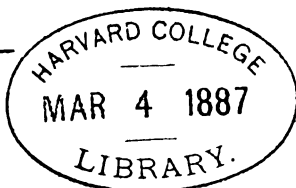
Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Компъ, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

—
Цена 35 коп.

~~27231.34.3~~
27231.34.5
✓

Smith Fund.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

11-141
4/6

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

(Академика А. Н. Веселовскаго).

Занимаясь съ нѣкотораго времени вопросомъ о составѣ и развитіи южно-русскаго эпоса, я разрабатывалъ частями его отдѣльные циклы ¹⁾, стараясь опредѣлить ихъ какъ особи и вмѣстѣ услѣдить идею ихъ связи съ цѣлымъ. Такимъ образомъ получились ряды обобщеній, обнимающихъ весь южно-русскій былевой эпосъ. Самый характеръ изслѣдованія, опредѣленный своеобразнымъ качествомъ матеріала, указываетъ мѣсто этимъ обобщеніямъ не въ предисловіи, а въ послѣсловіи къ изслѣдованію. Основанныя на извѣстномъ, хотя-бы и значительномъ количествѣ частныхъ наблюденій, они явились-бы въ началѣ труда программой, которая связала-бы отчасти ихъ дальнѣйшую объективную выработку, обусловленную не столько новыми данными, открытіе которыхъ всегда возможно, сколько повѣрочнымъ, взаимнымъ сравненіемъ частныхъ выводовъ, полученныхъ изъ изученія каждой былинной группы порознь. Такой обоюдный контроль представляется мнѣ однимъ изъ немногихъ экзегетическихъ приемовъ при критикѣ пѣсеннаго преданія, не записаннаго въ древнихъ текстахъ, которые позволили-бы построить его

---

¹⁾ См. мои Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, въ Archiv für slavische Philologie, III, p. 549—93.

генеалогію; выработавшаго цѣлый рядъ опредѣленно-очерченныхъ богатырскихъ типовъ, которые, сами являясь вопросомъ историческаго сложенія и послѣдовательныхъ нарощеній, не могутъ служить исходной точкой для возстановленія древней пѣсенной основы.

Между тѣмъ и частные результаты, добытые при разборѣ отдѣльныхъ былинныхъ группъ, въ свою очередь нуждаются въ повѣркѣ — со стороны лицъ, занимающихся тѣмъ-же вопросомъ. Съ этою цѣлью и печатаются слѣдующіе опыты. Что касается до порядка ихъ появленія, то онъ не отвѣчаетъ органической программѣ, выражающей идею былиннаго развитія, какъ *пока* она представляется автору — потому именно, что повѣрочныя изслѣдованія могутъ повести къ ея, теперь не предусмотрѣннымъ, измѣненіямъ.

I.

Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри.

I.

Малорусское сказаніе о «златыхъ вратахъ» записано было и издано впервые Кулишемъ ¹⁾ и въ той-же редакціи воспроизведено гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ ²⁾. Подъ Кіевомъ (въ Гвоздовѣ) слышалъ его, и почти въ томъ же пересказѣ, польскій писатель Михаилъ Грабовскій ³⁾; въ Кіевѣ-же слышалъ его, въ дѣтствѣ, г. Стояновъ, но еще въ формѣ пѣсни ⁴⁾; далѣе будетъ сказано нѣсколько словъ о варьянтѣ легенды, сообщенномъ Н. И. Костомаровымъ ⁵⁾. Въ недавнее время новая редакція того-же сказанія напечатана была въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ Драгоманова ⁶⁾.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось возвращаться къ этой ле-

---

¹⁾ Кулишъ, Записки о Южной Руси I, стр. 3—5.

²⁾ Историч. пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова I, № 15.

³⁾ Кулишъ I. с. стр. 5 прим.

⁴⁾ Антон. и Драгом. I. с. стр. 51.

⁵⁾ Костомаровъ, Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества, Бесѣда 1872 г. XII, стр. 39—40.

⁶⁾ Драгоманова, Малорусск. народн. преданія и разказы стр. 249—251.

гендѣ ⁷⁾ и предложить ея объясненіе, съ сущностью котораго согласились новѣйшіе изслѣдователи малорусскихъ народныхъ пѣсень ⁸⁾. Настоящая замѣтка назначена не столько отмѣнить, сколько видоизмѣнить мое прежнее объясненіе — въ интересахъ южнорусскаго эпоса. Л. Н. Майковъ (О былинахъ Владим. цикла, стр. 32) и О. Θ. Миллеръ (Илья Мур., стр. 694) сближали Михайлика малорусской легенды съ Михайломъ Игнатьевичемъ русской быliny. Новый варьянтъ послѣдней, сообщаемый мною далѣе, даетъ этому сближенію болѣе прочныя основы.

Легенда о «золотыхъ воротахъ», въ редакціи Кулиша, разсказывается такимъ образомъ: Какъ было лихолѣтье, пришелъ чужеземецъ, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и благословился обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ печеню (жаркое). «Э», говоритъ, «да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте», говоритъ Кіевлянамъ, «выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю». Вотъ Кіевляне шушу-шушу, и совѣтуются: «Чтò-же? выдадимъ!» А Михайликъ говоритъ: «Какъ выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота». Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ:

Ой Кіянє, Кіянє, панове громада!

Погана вѣша рада:

Якъ-би ви Михайлика не отдавали,

Поки свѣтъ сѣнца, ворогѣ бѣ Кієва не достали!

⁷⁾ Въ замѣткѣ, помѣщенной въ С.-Петербур. Вѣдомостяхъ 1874 г. Октябрь по поводу 1-го выпуска пѣсень гг. Антоновича и Драгоманова; въ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды: Легенда о возвращающемся императорѣ Ж. М. Н. Пр. 1875 г. Май, стр. 78—79; въ отчетѣ о Малорусск. нар. предан. и разсказахъ Драгоманова, помѣщенн. въ Древней и Новой Россіи 1877 г. Февраль.

⁸⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малорусск. народа, II, предисловіе стр. VII.

И поднялъ онъ копьемъ ворота — такъ вотъ, какъ поднимешь снопъ святаго жита, и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и пошли по́топтомъ.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просфорка; больше ничего не ѣстъ. И Золотыя Ворота стоятъ въ Цареградѣ. И, наступить, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто нибудь скажетъ: «О Золотыя Ворота! стоятъ вамъ тамъ опять, гдѣ стояли» — то золото такъ и засіяетъ. Если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: «Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!» — то золото такъ и померкнетъ.

Въ пѣснѣ, слышанной Стояновымъ, Михайликъ стрѣлялъ три раза: въ первый разъ онъ выбилъ у султана трубку изъ зубовъ, другою стрѣлою убилъ его самого, а третьею — его жену.

Редакція той-же легенды, записанная Трусевичемъ ¹⁾, предлагаетъ кое-какія новыя подробности — между прочимъ ту, что насильникъ Кіева названъ Батысмъ. Принадлежитъ ли разскащику отождествленіе Михайлы съ основателемъ Михайловскаго монастыря (построеннаго Святополкомъ — Михайломъ) — мы не знаемъ. Какъ въ предъидущемъ пересказѣ легенда начинается съ того, что войско Батыя стало въ Вышеградѣ (*wójska jego stanęły w Wyszogrodzie*). Далѣе она передается такимъ образомъ.

Wiele razy Batij przypuszczał szturm do Kijowa, ale zawsze napróżno. W Kijowie mieszkał w owe czasy znakomity rycerz *Michałko* (ten sam właśnie, który zbudował Michałowski monastér), był on oddawna postrachem tatarwy i dzielnym obrońcą Kijowa. Wiedział to dobrze Batij, że dopóki tylko żyje na świecie *Michałko*, do sądnego dnia, nawet, nie wziąć mu Kijowa; wiedział to psia wiara, ale ba! nie mógł na to poradzić. Jednego tedy

¹⁾ Kwiaty i owoce, wydał Ignacy Trusiewicz. Kijów 1870, стр. 237—8.

razu Michałko, opatrując straże, zobaczył z wałów Batego, siedzącego, ze swoją tatarwą, na wyszogrodzkiej górze. Akurat jedli oni wtedy obiad. Michałko napisał drobnymi literami piśmo, w którym radził Batemu odejść od Kijowa, przywiązał to piśmo do strzały i wypuścił ją z łuka do Batego. Srebrna łyżka wypadła z ręki tatarskiego Atamana. Strzała jak raz przeszła mu rękę na wylot. Rozwścieklony Batyj w tej że chwili wysłał posłów do Kijowa z tym rozkazem, żeby mu wydali natychmiast Michałka; w przeciwnym, bowiem, razie, groził spaleniem całego miasta i wyrznięciem w niem wszystkich mieszkańców, nie wyjmując nawet kobiet i dzieci drobnych. Michałko poprzysiągł pobić Batego i ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańcy nie decydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą i, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcej daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Otoż tedy strach otrzymał, wreszcie, zwycięstwo i Kijowianie uradzili pomiędzy sobą wydać Michałka. Dowiedziawszy się o tém Michałko, prosił by mu wolno było przynajmniej pożegnać lud i Kijów święty. Wdział on tedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia i wyjechał na plac złoto-wrotsky. Tam zgromadzonemu ludowi, przedstawił Michałko smutną dolę Kijowa, jaka go czeka po wejściu tatarów, a w końcu, widząc niezachwiane postanowienie Kijowian, rzekł: «oj panowie gromada! kiepskaż wasza rada» (Kijowlanie! Kijowlanie! pohana wasza rada), a powiedziawszy to Michałko uderzył kopiję w złote wrota, podniósł je na plecy, jakoby kopiec siana, i, wraz z niemi, powoli wyjechał z miasta. Od tego czasu złotych wrót nie stało w Kijowie. Mówią starzy ludzie, że kiedyś powrócą i złote wrota i Michałko, ale kiedy? Jeden Bóg święty raczy to wiedzieć.

Въ легендѣ, слышанной Н. И. Костомаровымъ, Михайликъ назывался *Михайломъ Семилиткомъ*; онъ необыкновенный ребенокъ, которому предстоитъ возростать въ Константинополѣ.

Переходимъ къ легендѣ, изданной Драгомановымъ, въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разказахъ.

— Колись, каже, давно то ще, був князь на світі Владимир. Володимер князь царствомъ всімъ обладує, а Михайл то *син царський*, али ще він молодий, то на царство ёго не садовлять; нехай підростає, а Володимер то старіщий, то він усімъ і править. Добре, так оце діється. . . . А в стороні Татарє своє царство мають. То ніби їдно царство, а то татарське друге, і в стороні татарє живуть. І знахорі татарські стали ворожити, догадались про Михайла, кажуть своїмъ: «глядіть, щоб не було чого нам, росте з боку коло нас такий і такий Михайл; тепер от ёго і нечуті, а виросте той Михайл, тоді вже будемо знати, шо то за Михайл; кажуть знахорі, шо воїн, воїн з ёго вийде, може ше світ не бачив такого ліцера». Росказали знахорі про Михайла; тепер треба шось робити. Татарський пише до Владимира: «ми довідались, пише Татарський, за Михайла, він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте — то віддай нам ёго, будьмо сватами». Ото Володимер скликає людей, говорить, шо Татарський хоче до себе взяти Михайла, далі дає цю річ до Санату. Міркували скрізь, чи зробити так, як Татарський пише, і присудили, шо віддаймо малого. Вся громада сказала так... —

Ну, ото присудили так, Володимер примітив, шо Михайл став хмурний дуже, ходить такий засмучаний.... А Михайл *був уже паробок літ 18*. Спитав Володимер ёго: «що ёму за туга така?» *Михалятко-дитятко!* чого ти засмучаний такий?

В тебе чаша золотая,
Вина повна
Завжде,
І часть Кііва на тебе йде....

Міні так здається, шо журитись тобі нема чого. Михайл і каже Володимерові:

Господару-Цару Володимеру!
Так, в мене чаша золотая,
Вина повная
Завжде....

І часть Кіѣва на мене йде,
 Али Кіѣвська громада,
 То зла в неї рада....

Володимир на це промовчав. А Михайл каже до меча свого, що на стіні висів:

Мечу мій мечу! та на Татарове,
 Мечу мій мечу! та на Юланове....

Михайлові буйдуже, що Татаре хтять ёго брати, він меч свій як візьме, то.... Али Володимир це вислухав і дивиться, що Михайл малий такий, і каже ёму: *«Михалятко-дитятко! молоде ти і неспосібне, то тра щоб бути літ 20 або 30, тоді хіба за меч можна братись»*. Володимир так до Михайла говорить, а Михайл ёму одказує по своєму:

*«Господару Цару Володимеру!
 Возьми ти утятко молоденьке,
 І пусти на море синеньке:
 Воно попливе як і стареньке»*.

Тоді Володимир каже до Михайла: «як так оце ти говориш, то, Боже, тебе благослови».

Посля того Михайл взяв меч, копію, коня ёму вивели; йде Михайл і зустрічає, що стоїть Татаруга, Турок той; Михайл нічого не робив, оно перехрестив вісько татарське своїм мечем. То по обидві сторони Михайла не стало того віська: на ліву сторону то так як огнем спалило, на праву — так як соломі ви-
 клав. Як посів тее вже вісько, Михайл, то поїхав в світа і при-
 шлось ёму їхати через царські ворота; то до їдного стремена взяв на ногу їдну половину, а на другу ногу другого стремена взяв другу половину. С тими ворітьми поїхав за якісь *юри*.... і став там жити, тай досі, каже, живий.... а може й помер.... Так оце розказують про Михайла....

Конець этой легенды, особливо въ редакціи Кулиша, ея эсхатологическій характеръ (ожидаемое въ будущемъ возвраще-
 ніе Михайлика въ Кіевъ), связь Кіева съ Царьградомъ, пако-

нецъ имя Михаила — все это повело меня къ заключенію, что въ легендѣ мы имѣемъ народный, приуроченный къ Кіеву пересказъ эпизода, находящагося въ позднихъ русскихъ текстахъ Откровеній Меѳодія интерполированной редакціи ¹⁾. Популярность Откровеній, распространенныхъ во множествѣ списковъ, легко объясняла такого рода мѣстное, народное примѣненіе, примѣровъ котораго можно-бы привести не мало: многія изъ такъ называемыхъ мѣстныхъ сказаній ни что иное, какъ локализованныя повѣсти и анекдоты, такъ что интересъ локализации состоитъ не столько въ содержаніи сказаній, сколько въ открытіи причинъ, вызвавшихъ ихъ приуроченіе.

Разсказъ интерполированныхъ Откровеній слѣдующій:

Въ послѣднія лѣта выйдутъ Измаильтяне и поплѣнятъ всю землю и дойдутъ до Рима; дважды побѣжденные Римлянами, они «Римъ возьмутъ, а не всю землю, и дойдутъ до Говата великаго, иже есть за Римомъ». Здѣсь произойдетъ великая сѣча, и побѣда останется на сторонѣ Измаильтянъ, которые овладѣютъ Персіей, Греціей, Ассиріей, Египтомъ и морскими островами; останется только одинъ городъ на морѣ Эѳіопскомъ (т. е. византійскомъ, какъ поясняетъ греческій текстъ), не взятый врагами; очевидно, Константинополь. Измаильтяне подступаютъ къ нему, «прийдутъ къ златымъ вратамъ, иже суть заключены издавна (изъ давнихъ лѣтъ), никому же не отверзошася. Тѣмъ же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣкутся сватыя Софіи». Тогда явится избавитель: «Возстанетъ на нѣ царь отъ нищихъ, Архангелъ Михаилъ во имя его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и положитъ во святѣй Софіи на алтарѣ. Тогда царь Михаилъ «возстанетъ яко отъ сна и возьметъ мечъ свой и рече: «дадите ми конь борзъ», и поидетъ противу Измаиловичъ съ великою яростію и нанесетъ мечъ свой на нихъ съ гнѣвомъ. Ангелъ же господень, первое ходивый со Измаиловичи, обра-

¹⁾ См. Тихонравовъ, Пам. русск. отр. литер. II, № III, стр. 255—263 и ркп. Имп. Публ. Библ. XVII № 82 (1602 г.) Сл. Опыты по истор. разв. христіанск. легенды I. с. стр. 62—73.

тится съ Михайломъ на нихъ и разслабитъ сердце Измаильяномъ, яко воду, а тѣлеса ихъ аки воскъ растають, и мужество ихъ ни во что же будетъ». Побѣдивъ враговъ Михайлъ воцарится, и настанетъ повсюду тишина и благоденствіе и добродѣтельное житіе; но люди вскорѣ забудутся, начнутъ жить беззаконно, и за то разгнѣвается на нихъ Господь: «и повелитъ Господь Михайлу царю скрытися въ единомъ (отъ) острововъ морскихъ. И внидетъ царь Михайлъ въ корабль, и отнесетъ его Богъ въ единъ отъ острововъ морскихъ, и пребудетъ въ немъ до уреченнаго ему времени». Слѣдуетъ въ текстѣ Откровеній пространная вставка изъ житія Андрея Юродиваго: тогда разверзнутся горы «сиверскія», и выйдутъ оттуда Гогъ и Магогъ и будутъ неистовствовать и дойдутъ до Іерусалима и Іосафатовой долины, гдѣ будутъ побиты архангеломъ. Беззаконные цари слѣдуютъ другъ за другомъ въ Царьградъ — за тѣмъ текстъ продолжаетъ: Антихристъ родится въ Хоразинѣ, вскормленъ въ Вносаидѣ, воцаряется въ Капернаумѣ. «Егда же Божіимъ повелѣніемъ царь Михайлъ отъ морскихъ острововъ принесенъ будетъ и сядетъ во Іерусалимѣ на царство и будетъ царствовать 12 лѣтъ», — Антихристъ придетъ къ нему и послужитъ и будетъ имъ возлюбленъ; и будетъ сначала кротокъ и смиренъ, богобоязливъ, нищелюбъ, и станетъ творить чудеса. «Егда же прійдетъ 12 лѣтъ, и тогда царь Михайлъ, возставъ и прійдетъ на мѣсто святыя Голгооы, идѣже распяты Христосъ Богъ нашъ. И ту снидетъ съ небеси животворящій крестъ Господень и станетъ на мѣстѣ Голгооы. Царь же Михайлъ, ставъ предъ нимъ, и сойметъ вѣнецъ свой съ главы своея и возложитъ его на животворящій крестъ. Царь же, воздѣвъ рудъ свои на небо, и предастъ царство свое Богу.... И паки животворящій крестъ взыдетъ на небо предъ всѣми людьми и съ вѣнцемъ царя Михайловымъ. Царь же предастъ душу свою въ рудъ Божія и уснетъ вѣчнымъ сномъ».

Отношенія этого эпизода къ малорусскому сказанію о Михайликѣ (за вычетомъ мѣстнаго приуроченія и народныхъ чертъ,

въ родѣ малолѣтства богатыря) представлялись мнѣ слѣдующими: Измаильтяне осаждаютъ Византію, какъ Татары Кіевъ; тамъ и здѣсь Михайль — Михайликъ является освободителемъ; тотъ и другой удаляются на время, и возвращеніе обоихъ ожидается въ неопредѣленномъ будущемъ: будетъ время. Связь Кіева съ Царьградомъ (куда удаляется Михайликъ, гдѣ онъ, по другой редакціи, воспитывается), упоминаніе золотыхъ воротъ (перенесенныхъ изъ Кіева въ Царьградъ; сл. въ эпизодѣ Меѳодія золотыя врата, къ которымъ подступаютъ Измаильтяне), наконецъ эсхатологическій характеръ послѣдней части Малорусской легенды: таковы были основанія, увлекшія меня къ предположенію, что въ сказаніи о Михайликѣ сохранилась въ иной обстановкѣ, съ Кіевомъ и Татарами вмѣсто Царьграда и Измаильтянъ, повѣсть о послѣднемъ императорѣ Византіи, Михайлѣ ¹⁾. Знакомство съ новой редакціей русской былины о Михайлѣ Даниловичѣ заставило меня видоизмѣнить этотъ взглядъ. Я предполагаю, что въ кіевскомъ богатырскомъ эпосѣ дѣйствительно существовалъ рассказъ о малолѣтнемъ богатырѣ Михайлѣ, что онъ сохранился въ великорусскихъ былинахъ о Михайлѣ Даниловичѣ, тогда какъ одна изъ редакцій подпала вліянію эсхатологическаго сказанія о послѣднемъ императорѣ и обернулась — малорусской легендой о Михайликѣ.

Прежде чѣмъ предложить доказательства, постараемся свести къ немногимъ общимъ чертамъ содержаніе легенды, извлекая ихъ изъ извѣстныхъ намъ редакцій.

1. *Михаилъ — юный богатырь*; ему семь лѣтъ (Костомаровъ), или 18 (Драгомановъ) — цифра, вѣроятно, ошибочная (вмѣсто 12?), поставленная рассказчикомъ по требованіямъ вѣроятія, тогда какъ онъ же заставляетъ Владиміра обращаться къ Михайлику не иначе, какъ съ воззваніемъ: Михайлятко-дитячко! молоде ти і неспосібне (ему 18-ть лѣтъ), то тра щоб бути літ 20 (!) або 30, тоді хіба за меч можна братись». Очевидно,

¹⁾ Опыты I. с. стр. 78.

что и въ редакціи Драгоманова Михалятко — Михайликъ Кулиша — являлся мальчикомъ. Онъ сильный богатырь, про то знаютъ Татары (Кулишъ, Драгомановъ) и потому его боятся. Замѣтимъ въ пересказѣ Драгоманова: *Татарове-Юланове*. Только въ этомъ послѣднемъ пересказѣ Михаилъ является въ какихъ-то неясныхъ, какъ будто родственныхъ отношеніяхъ къ Владиміру, котораго величаютъ: «Господару Царю» (царь-государь). Рассказывается такъ: Владиміръ князь править всѣмъ царствомъ, онъ *старшій*, а Михаилъ, *сынъ царскій*, былъ еще юнъ, «то на царство его не садовлять». Въ другомъ мѣстѣ Владиміръ говоритъ ему, что «на него идетъ» часть Кіева, а татарскій царь пишетъ про него: «він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте». Можетъ быть, эти родственныя отношенія Владиміра и Михаила принадлежатъ древнему сказанію — хотя положительнаго здѣсь сказать ничего нельзя, при недостаточности данныхъ. Выраженіе: «і часть Кііва на тебе йде» мы постараемся объяснить въ иной связи.

2. *Татары-Юланове подходятъ подъ Кіевъ.*

3. *Недрузи Михаила, Кіевляне, требують его выдачи татарамъ. Онъ жамуется на поганую, злую раду Кіевлянъ.* Такъ въ редакціи Кулиша и въ пересказѣ Драгоманова.

4. *Михаилъ выходитъ противъ татаръ;* Владиміръ его удерживаетъ. Когда юноша берется за мечъ, чтобъ идти на вражье войско, Владиміръ останавливаетъ его словами: ты еще молодъ, не твое это дѣло — а Михаилъ отвѣчаетъ ему, что богатырство у него рожденное, какъ вылупившемуся изъ яйца утенку прирождено плавать по сипему морю ¹⁾.

5. *Михаилъ побиваетъ Татаръ-Юлановъ.*

6. *Онъ удаляется въ Царьградъ, куда перенесъ и золотыя ворота, гдѣ живеть, питаясь водой и просфорою; или же въ какія-то горы.*

---

¹⁾ Сл. относительно этой анекдотической черты новеллу въ Вилла Альберти и у Des Periers. Сл. Вилла Альберти стр. 289—290.

II.

Въ сборникѣ Кирѣевскаго¹⁾ напечатаны двѣ былины подъ заглавіемъ: Данило Игнатьевичъ съ сыномъ. Такъ какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ является сынъ, и этотъ сынъ названъ Михайломъ (такъ у Кирѣевскаго № II и въ сказкѣ-побывальщинѣ, сообщенной ниже; въ № I Кир. имя ему Иванъ), то ближе къ дѣлу было-бы такое заглавіе: Былины о Михайлѣ Даниловичѣ.

1. Въ Кіевѣ постригся въ монастырѣ сильный, могучій богатырь Данило Игнатьевичъ. Прослышали орды невѣрныя, что не стало у Владиміра сильнаго богатыря, и пишутъ ему ярлыки: пусть вышлетъ имъ поединщика, не то они выжгутъ, вырубятъ все его царство и самого его въ полонъ возмуть. Растужился, расплакался Владиміръ князь, что некому у него съѣздить въ чисто поле, некому привести языка поганаго. Приходитъ къ нему молодой выюношъ, «*дѣнадцатилѣтцъ*»; былина называетъ его Иваномъ Даниловичемъ, но сравненіе съ другой былиной и побывальщиной, какъ и слѣдующее сближеніе съ Михайломъ малорусскаго сказанія, заставляютъ предположить здѣсь позднюю замѣну одного имени другимъ, болѣе ходячимъ. Далѣе мы будемъ называть двѣнадцатилѣтняго богатыря Михайломъ. Онъ вызывается передъ княземъ съѣздить въ чисто поле, провѣдать орды великія, привести языка поганаго. Владиміръ останавливаетъ его — его молодостью:

Молодохонекъ, зеленехонекъ,
Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ.

Но Михайлъ говоритъ ему, что онъ пойдетъ къ батюшкѣ родному, возьметъ у него благословеньце великое, попроситъ коня и сбрую богатырскую.

¹⁾ Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 3, стр. 39—51.